
ХРОНИКА

УДК 092.(-05).(-055.2)
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-89-99

Дело жизни: Интервью с Евгенией Николаевной Кузьминой (к ее 75-летию)

Для цитирования

Дело жизни: Интервью с Евгенией Николаевной Кузьминой (к ее 75-летию) / Подготовила Т. В. Дайнеко // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 89–99. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-89-99

The work of a lifetime: Interview with Evgenia Nikolaevna Kuz'mina (on her 75th birthday)

For citation

Delo zhizni: Interv'yu s Evgeniey Nikolaevnoy Kuz'minoy (k ee 75-letiyu) [The work of lifetime: Interview with Evgenia Nikolaevna Kuz'mina (on her 75th birthday)]. Prepared by T. V. Daineko. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 89–99. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2022-1-89-99

16 февраля 2022 года исполнилось 75 лет Евгении Николаевне Кузьминой.

Главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Заведующая сектором фольклора народов Сибири. Выдающийся филолог-фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Первый и в течение долгих лет бессменный ответственный секретарь 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», редактор многих ее томов, ныне заместитель главного редактора. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2001). Замечательный человек, пользующийся заслуженным уважением и любовью коллег. Мама трех дочерей и бабушка пятерых внуков. Перечисление званий и заслуг Евгении Николаевны можно еще продолжить...

Получить представление о вкладе Евгении Николаевны в фольклористику можно, ознакомившись с ее научными трудами, список которых размещен на личной странице Е. Н. Кузьминой на сайте Института филологии СО РАН¹. Нам же было важно и интересно, воспользовавшись юбилейной датой как поводом, лично расспросить Евгению Николаевну о ее жизненном и творческом пути. Далее пред-

---

¹ Е. Н. Кузьмина является автором более 100 научных работ, в том числе 2 монографий, и соавтором 3 монографий. См.: <https://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/people/kuzmina.php>

© Т. В. Дайнеко, 2022

ставлены фрагменты беседы с Е. Н. Кузьминой. Для удобства восприятия читателем текст дан от первого лица, вопросы интервьюера опущены (расшифровка с аудиозаписи, литературная обработка текста, составление общей композиции публикации выполнены мной. – Т. Д.).

Детские и ранние школьные годы

– Я урожденная деревенская, родилась в улусе Шапшалтуй Аларского района Иркутской области. Слово «шапшаланта» в переводе с бурятского – это «сенокосные луга, место, где косят траву». Аларский район славился тем, что здесь выращивали отменную пшеницу. Шапшалтуй, располагающийся в просторном, красивом месте, растянут в длину, и он делился на отдельные поселения, которые имели свои названия. Самым дальним из них было Нурмалта (буквально с бурятского «место с озером»; ныне это поселение практически исчезло). Моя семья жила в этом месте. В начальную школу мне приходилось ходить за 4 километра от дома: выходишь рано утром, а возвращаешься – уже вечер. Я выросла и выучилась в многонациональной среде. В нашем улусе жили татары, буряты, русские, литовцы, а по соседству располагались украинская и польская деревни, где проживали крестьяне, переселившиеся еще во время столыпинских реформ.

Выросла я в простой семье. Мои родители сначала были колхозниками, затем стали рабочими совхоза, а после переезда в Улан-Удэ устроились на локомотивовогоноремонтный завод (ЛВРЗ). Папа работал слесарем, а мама – штукатуром-маляром. Детей в семье было пятеро: брат и четыре сестры. Все в свое время получили высшее образование, это было очень важным для наших родителей.

Моя мама происходит из шаманского рода. Прапрабабушка с маминой стороны была довольно известной шаманкой, к ней многие приезжали, и похоронена она по традиционному шаманскому обряду. А со стороны папы – род кузнецов, которые тоже пользовались особым уважением, поскольку считалось, что у них существует прямая связь с небом².

В детстве я была очень болезненным ребенком; из-за хронического заболевания меня дважды в год, осенью и весной, отправляли в больницу, где я подолгу лечилась, пропуская школу. Что перед собой видишь – к тому и тянешься: моей мечтой стало стать врачом. Практиковаться во врачебном искусстве я начала лет с шести – на соседских детях, которые слушались меня беспрекословно. Однажды, например, я поставила всей детской компании «прививки от туберкулеза»: делала на предплечьях приятелей надрезы стеклышком и капала туда разноцветные «вакцины». У меня их много было заготовлено в стеклянных баночках: раствор глины, кирпичной пыли и прочего. Руки у детей, конечно, опухли и воспалились, и после этого случая родители мне строго запретили заниматься врачеванием. Помню также, как скормила детской компании упаковку таблеток «кальцекса» – так я «лечила» их от воспаления легких.

В девять лет я решила стать фокусником. Выступление настоящего фокусника я видела, когда долечивалась в санатории, и оно произвело на меня большое впечатление. Вернувшись домой, я устроила большое представление перед детьми: пела, танцевала, переодевалась. И, конечно, показывала фокусы: накатала из газет шариков и «прятала» их в ушах, носу, доставая назад, например, из-за ворота одежды. Одна маленькая девочка решила повторить мой фокус, а в результате через некоторое время пришлось ее везти в районный центр к врачу, чтобы достать газетный шарик из уха.

Читать я научилась очень рано и читала всё подряд, до чего могла дотянуться. Часто это чтение было не по возрасту. Так, в 4 классе я прочла «Тихий Дон» Шолохова, и он оставил очень глубокое впечатление.

Учеба в средней и старшей школе

После окончания 4 класса меня забрала в свою семью родная тетя, и 5 класс я училась в городе Усолье-Сибирское. Затем семья тети переехала в Иркутск, а я вернулась домой. Продолжить учебу я могла только в школе, которая располагалась в 16 километрах от моего дома, на станции Кутулик, что по Восточно-Сибирской железной дороге. Это была единственная средняя школа на несколько окрестных деревень. Для ребят, которые жили в соседних деревнях, в Кутулике было организовано что-то вроде интерната: предоставлялась крыша над головой (здание барачного типа, удобства на улице), с кроватями и

² Здесь Евгения Николаевна проводит параллель с древнегреческими мифами, героем которых является Гефест, и отмечает, что заимствования нет, налицо параллельное развитие культур. – Т. Д.

печью. Всё остальное: продукты на неделю, постельное белье, школьные принадлежности – дети привозили сами. Воспитателей не было. В этом «интернате» в будние дни жили дети с 5-го по 7-й класс. Дети жили сами по себе – делали уроки, готовили еду. Десять-пятнадцать девочек и столько же мальчиков; те, кто постарше, смотрели за маленькими. На выходные уходили или уезжали – на попутках, общественного транспорта никакого не было – домой. Официально к детям был прикреплен один из учителей, но он, видимо, был трусоват: боялся ходить затемно или не хотел оставаться, к вечеру заходил на несколько минут и сразу уходил домой, оставляя детей одних.

Поскольку в то время многие ребята получали семилетнее образование и уходили из школы, через несколько лет я оказалась самой старшей среди малышей. И вынуждена была стать на место воспитателя и присматривать за всеми. Однажды мы пережили очень неприятную ночь. Кто-то – скорее всего, это были хулиганящие подростки – забрасывал кусками угля стены нашего дома и пытался ножом открыть входную дверь, закрытую на крюк. Мне пришлось загнать всех малышей за печь, выключить во всем доме свет, чтобы нас не было видно, и долго удерживать двумя руками большой железный крюк на двери, чтобы его не смогли подцепить снаружи (в щели мелькало острие ножа). Хулиганы несколько часов пытались открыть дверь (она оказалась крепкая), потом наконец ушли. Было очень страшно. Взрослым наутро всё рассказали, но никакого разбирательства не последовало.

Хорошо помню, как по субботам шла домой. Часть пути мы шли с друзьями из соседней деревни, братом и сестрой, а последние 7 километров я проходила одна. Путь я заканчивала обычно уже затемно, и в свете луны далеко-далеко была видна одинокая береза на поляне – она была для меня как маяк. А в воскресенье мне надо было до темноты проделать обратный путь, и с понедельника начиналась новая учебная неделя.

Когда я училась в 11 классе, «интернат» закрыли совсем – мне стало негде жить. Тогда классная руководительница Нелли Сергеевна Сомова собрала родительское собрание и рассказала: мол, у нас учится девочка – очень способная, хотелось бы, чтобы она закончила школу, но ей негде жить. Тогда родители моей школьной подруги Гали взяли меня к себе в семью (дядя Федя сказал: «Где двое, там и третий не помешает»), и я у них прожила несколько месяцев. Они меня даже лечили народными методами, благодаря чему моя хроническая болезнь суставов, наконец, отступила.

Когда мы перешли в 11 класс, школа решила перейти на униформу синего цвета. К сожалению,

мои родители не могли мне купить ткань, в то время и денег-то у колхозников совсем не было, работали за трудодни... Вот тогда произошел еще один трогательный эпизод: мои одноклассники тайком от меня собрали деньги и купили мне ткань, тонкую голубую шерсть. На одном из уроков производственного обучения ребята торжественно преподнесли мне подарок. А я от неожиданности расплакалась... Все были ошарашены, даже урока не получилось. Мне было очень стыдно, я готова была провалиться сквозь землю. Позже благодаря этому подарку я смогла вместе со всеми девочками раскроить и сшить себе костюм (на фото все девочки как раз в этих самодельных костюмах).

11 «Б» класс в день прощального звонка.
24 мая 1965 г., р.п. Кутулик Иркутской области.
Евгения Кузьмина третья слева в нижнем ряду.

Я с большой благодарностью вспоминаю школьных учителей и директора, Ивана Альфонсовича Пеньковского. Он был фронтовик, танкист, прошел всю войну, дважды горел в танке. Физику преподавал так, что ее на отлично знали даже заядлые двоечники. Про меня он всегда говорил: «Мал золотник, да дорог», – очень хвалил мои сочинения, зачитывал их во всех классах, и сказал моей тете, своей однокласснице, что из меня выйдет хороший филолог или литератор. А я в то время тянулась к естественным наукам, увлекалась химией и биологией.

Когда сдавали выпускной экзамен по обществоведению, я вытянула единственный билет, который не успела выучить. Учитель истории и обществоведения (мы с ним регулярно встречались в больнице, видимо, у него тоже было хроническое заболевание) шел по рядам и увидел мое растерянное лицо. Он все понял, взял у меня билет и незаметно заменил его на другой. Остальные билеты я все знала и сдала на отлично.

Приближался выпускной вечер, а у меня не было ни платья, ни туфель. И тогда наша классная руководительница Нелли Сергеевна Сомова подарила мне свои туфли – кожаные, коричневые, очень качественные. А платье мы с подругой себе сшили своими руками.

Школа была окончена, родители очень хотели, чтобы я продолжила образование.

Университетские годы

Я решила поступать в Иркутский государственный университет имени А. А. Жданова и поехала в Иркутск, где жили мои тетья и дядя. Они были людьми образованными: тетья работала учительницей, а дядя – Шерхунаев Раднай Андреевич – преподавал на отделении журналистики в Иркутском университете, был известным фольклористом, изучал творчество бурятских сказителей, у него есть ряд научных монографий о них.

Можно сказать, что дядя и тетья определили мое будущее. Сначала я хотела поступить в медицинский институт, но тетья была категорически против и меня отговорила. В то время в медицинском институте учились семь лет, стипендия была совсем небольшой, в семье были младшие дети, которых надо было выучить, – родителям было бы трудно меня учить так долго. Тогда я сказала, что буду поступать на химический факультет. И снова тетья выступила резко против: мол, ты устроишь взрыв, взорвешь людей, прожжешь одежду, можешь себя изуродовать...

Я тогда говорю: «Буду поступать на журналистику». Тут уже подал голос дядя, который сам преподавал на факультете журналистики. Он сказал, что это совсем не девичья специальность, потому что надо будет постоянно ездить в командировки за материалом, семья будет заброшена и так далее. Но я уже уперлась, пошла и подала документы на отделение журналистики. И когда стала сдавать экзамены, увидела, что, действительно, поступать на эту специальность пришли одни парни, причем взрослые, многие после армии. Эти парни отлично подтянули меня по истории (я ее не сдавала в школе), и я поступила. Я была одна девушка среди ребят.

Незадолго до начала занятий декан нашего историко-филологического факультета, – на котором учились журналисты, историки и филологи, – вызвал меня и говорит: «Есть вакансия на бурятское филологическое отделение». Я и не знала, что существует такое отделение. А его, оказывается, активно развивали, в том числе ездили по национальным бурятским округам и там, на местах, набирали абитуриентов. Важно было взять именно бурят, которые знают родной язык. В то время я даже не подозревала, что бурятский язык можно изучать как предмет, хотя на бытовом уровне я его, конечно, знала.

И я стала учиться на бурятской филологии. Поначалу мне трудно давался бурятский язык, потому что в основу письменного литературного языка положен хоринский диалект, сильно отличающийся от родного мне западного диалекта (даже газету «Бурят үнэн» («Бурятская правда»), которую выпускали на литературном языке, в моих родных местах люди не читали, им было непонятно). Но я была упорной, настойчиво осваивала язык и училась очень хорошо.

С середины первого курса и до конца обучения в университете я была старостой группы. И относилась к своим обязанностям со всей ответственностью. Были случаи, когда на первом курсе я приходила в общежитие (сама я жила тогда у дяди с тетьей, поскольку не досталось места в общежитии) и будила своих однокурсников, загулявших накануне, – так я заботилась, чтобы их не лишили стипендии за пропуски. Мои одноклассники жили обычной студенческой жизнью, увлекались вечеринками, не пропускали ни одного собрания студенческих «землячеств», где все друг друга знали, передружились.

Одна я не ходила на эти «землячества». Для меня учеба была всем. Заканчивая учебный день, я уже мечтала, как побегу в библиотеку, где меня ждали стопки заказанных заранее книг, каждый раз читала в библиотеке до самого закрытия. Я была «книжной» девушкой. В библиотеке мне нравилось всё – старинное здание на набережной Ангары, широкая лестница со стертymi ступенями, запах и шелест книг, интеллигентные библиотекари явно благородного происхождения, всегда в строгой одежде, неукоснительно соблюдающие правила. Сама атмосфера книг меня завораживала, я окунулась в нее полностью, жила в этом мире.

Училась я с увлечением. Качество образования в университете в то время было очень высоким. Многие преподаватели были представителями старой профессорской школы, они были эвакуированы в Сибирь из Ленинграда во время Великой Отечественной войны и по окончании ее остались работать в Иркутске. Хорошо помню лекции литературоведа Василия Прокопьевича Трушкина. Курсовые работы и дипломную я писала по проблемам русского языка, и мой научный руководитель, Эмилия Ивановна Слабковская, отмечала, что у меня есть склонность к аналитической работе. Другие преподаватели тоже хвалили: например, Анна Петровна Селявская, которая читала у нас поэтику, называла меня «светлой головкой».

А на факультативе я училась азам научной работы, обретала навыки писать доклады. Преподаватели говорили, что мне надо развиваться как фольклористу. Дядя тоже очень поощрял мои занятия, рекомендовал заняться исследованием бурятского фольклора.

Во время учебы в университете, в рамках фольклорной практики, состоялась и моя первая экспедиция. Мы поехали в Агинский национальный округ. Фольклорная традиция там была жива, но ее носители не особенно охотно шли на контакт со студентами. Было лето, в деревне много работы, студенты отвлекали... Я хорошо запомнила одного дедушку-исполнителя, который пообещал рассказать всё, что знает, если я выпью водки, которую он мне налил. Пришлось совершить подвиг во имя науки и выпить ее, хотя алкоголь я в принципе не принимала. Девчонки-студентки вызвали повышенный интерес со стороны местных парней – они буквально не давали нам проходу, так что мы или сидели в осаде, или передвигались исключительно группами.

Летом 1969 года в Улан-Удэ проходила Всесоюзная конференция, называлась она «Образ Ленина в литературе и искусстве». Я тогда перешла на пятый курс и отправила туда свой первый научный доклад на тему «Легенды о Байкале и Ангаре». Как ни странно, мой доклад был принят, и меня, студентку, пригласили принять участие в конференции в качестве докладчика.

Доклады и обсуждения, звучавшие на конференции, произвели на меня огромное впечатление. Я впитывала всё, как губка, – и атмосферу, и научные идеи. Среди участников были Елиазар Моисеевич Мелетинский, Борис Николаевич Путилов, Михаил Григорьевич Воскобойников, молодые тогда Виктор Михайлович Гацак и Сергей Юрьевич Неклюдов, сибирские фольклористы Николай Васильевич Емельянов, Лазарь Ефимович Элиасов, Алексей Ильич Уланов, Гунга Очирович Туденов, Михаил Петрович Хомонов... Это были люди, работы которых я штудировала, учась в университете, а тут я видела их перед собой, слушала, как они выступают, делятся своим исследовательским опытом. Это был огромный урок для меня.

На этой конференции я впервые услышала о насущных проблемах современной фольклористики, в частности сибирской. О том, что нет у фольклористов своего журнала (у этнографов была «Советская этнография»). О том, что коллекции лежат закрытые, недоступные даже для исследователей. О том, что надо публиковать фольклорные тексты, чтобы они стали доступны как для ученых, так и для широкого круга читателей. Огромное впечатление осталось. И я, конечно, не могла предположить, что все эти идеи лягут в основу серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», которой мне предстояло заниматься в моем будущем.

Университет я заканчивала с красным дипломом. В ту пору выпускники вузов должны были три года отработать в школах, и только отличникам по особой рекомендации Ученого совета факультета давали разрешение поступать в аспирантуру, минуя отработку. Дипломную работу я защитила на отлично, сдала также обязательный предмет «Научный коммунизм». И мне дали направление в аспирантуру.

Учеба в аспирантуре. Поворот в судьбе

Я поехала поступать в аспирантуру в Улан-Удэ, где в Бурятском институте общественных наук (БИОН)³ были два сильных фольклорных отдела, которыми руководили известные фольклористы Алексей Ильич Уланов и Лазарь Ефимович Элиасов. Я хотела заниматься изучением русского фольклора. Однако мне сообщили, что в этом году приема в аспирантуру нет...

В местной газете я увидела объявление о вакансии преподавателя на кафедру философии в местном Технологическом институте, подала документы и прошла отбор. Меня взяли преподавателем исторического материализма, университетское образование позволяло. Это было в августе. В начале сентября преподаватели и студенты уехали, как это было принято тогда, на сельхозработы, а я осталась на кафедре и начала готовиться к предстоящему курсу лекций. Вдруг звонит Алексей Ильич Уланов и предлагает поступить к нему в отдел на появившееся место лаборанта. Начинает меня убеждать, что это естественный путь ученого: сначала поработать лаборантом, затем поступить в аспирантуру, и так далее; говорит, что заметил меня еще на конференции, и мне надо заниматься фольклором. Я согласилась, поняла, что изучение фольклора мне, конечно, ближе (а о том, что зарплата в Технологическом институте была бы в два раза выше, я узнала гораздо позднее). Так я попала в отдел к А. И. Уланову. Около года работала лаборантом: осваивала пишущую машинку, вела протоколы заседаний отдела, печатала документы. Затем пришло известие, что выделено место в аспирантуре, по просьбе Алексея Ильича я придумала тему, которой хотела бы заниматься, – «Женские образы в бурятском эпосе». И приступила к работе в архивах, разыскивала тексты улигеров. Я проштудировала все доступные тексты улигеров, провела анализ, написала текст диссертации, прошла обсуждение в отделе. Мне дали месяц отдыха, а потом нужно было готовить защиту. Но тут грянула реформа ВАК, и мне пришлось отложить защиту диссертации на несколько лет.

Будучи в аспирантуре на первом курсе (это был сентябрь 1972 года), я приняла участие в фольклорной экспедиции в Монголию под руководством Елизаветы Васильевны Баранниковой. Отряд побывал в трех аймаках, работая с бурятами, которые откочевали во время революции и позже. Бурятские диаспоры были очень большими, однако управляли бурятскими аймаками всегда монголы. Старики встречали нас, как родных. Они стремились пообщаться с участниками экспедиции, рассказать всё, что помнят. С пяти утра они уже были возле того места, где мы жили: придут, сядут на улице, курят, разговаривают между собой, пока мы встаем. Им важно было расспросить о родине, узнать об условиях, в которых живут российские буряты. Когда мы уезжали, они все плакали, говорили, что даже если мы приедем в следующий раз, их уже не будет на свете (многим было за 80 лет). Запомнилось, что быт этих людей тогда был на уровне наших 1950-х годов: железные кровати, радиолы, деревянные лавки, кошма... Собранный в этой экспедиции материал был позже опубликован, попал в тома и монографии, которые подготовили Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров.

В 1977 году я поехала на Вторую всесоюзную конференцию по эпическому творчеству, которая на этот раз проходила в Якутске. Помимо научных докладов были и важные организационные моменты. В резолюции, принятой по завершении первой конференции, было прописано, что выдвинутые идеи поручается проработать бурятским фольклористам. А на второй конференции ученые должны были доложить о выполнении этого решения. Вообще Улан-Удэ и Якутск были в то время в авангарде сибирской гуманитарной науки, именно в этих городах находились мощные научные центры с сильными кадрами гуманитариев. И вот на второй конференции Василий Цыренович Найдаков доложил о результатах обсуждения специальной комиссией идей, что были изложены в той резолюции. На якутской конференции пришли к выводу, что для дальнейшей реализации выдвинутых идей необходимо связаться с Сибирским отделением Академии наук в Новосибирске. Новосибирск был признан очень удобным для координации работы сибирских фольклористов – он занимал выгодное положение географически и был доступен для любых видов транспорта. Изложить решение, принятое на якутской конференции, поручили Александру Бадмаевичу Соктоеву как ученому секретарю Бурятского филиала СО АН СССР. И вскоре А. Б. Соктоев приехал в Новосибирск выступать на заседании Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР.

³ Ныне – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

В 1981 году в Президиуме СО АН СССР было принято решение об издании серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», поначалу речь шла о подготовке 24 томов. Председателем только что стал Валентин Афанасьевич Коптюг; он поддержал этот проект и поставил свое условие – возглавить его должен был лично Александр Бадмаевич. Затем А. Б. Соктоеву было предложено сделать доклад на заседании Бюро редакционно-издательского совета (РИСО) в Москве, к проработке идеи подключился Научный совет по фольклору, председателем которого в то время был В. М. Гацак. В ходе обсуждения решено было запланировать публикацию фольклора как можно большего числа этносов (в том числе малочисленных), проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, и таким образом количество томов возросло до 60. Так было положено начало развитию фольклористики в Новосибирске.

Уже существовал Объединенный институт истории, филологии и философии. В стенах этого института решено было открыть сектор фольклора народов Сибири. Для начала выделили три рабочие ставки, две квартиры для проживания сотрудников, и А. Б. Соктоев стал искать себе помощника, который был взял на себя обязанности ответственного секретаря новой фольклорной Серии. Вернувшись в Улан-Удэ, он предложил эту должность четверым ученым: Елизавете Васильевне Баранниковой, Михаилу Иннокентьевичу Тулохонову, Светлане Сумановне Бардахановой и мне. Самым слабым звеном была я: у меня, по сравнению с коллегами, было меньше опыта – я работала научным сотрудником в БИОНе, и, кроме того, были достаточно тяжелые личные обстоятельства – я недавно овдовела, оставшись с двумя маленькими детьми на руках. Однако все опытные ученые отказались от предложения А. Б. Соктоева. Я же к тому времени уже защитила свою кандидатскую диссертацию на тему «Женские образы в героическом эпосе бурятского народа» (1981) и была согласна круто поменять жизнь, взявшись за новое дело в новом для меня городе. И поехала в Новосибирск.

Новый этап. Дело жизни

В Новосибирске Александр Бадмаевич сразу загрузил меня работой, а проще говоря, гонял и в хвост, и в гриву. Это были годы становления Серии, работы было очень много. Небольшому коллективу нужно было оправдать высокое доверие, доказать, что сектор фольклора был образован не зря. Александр Бадмаевич требовал от своих сотрудников полной самоотдачи: запрещал брать работу по совместительству, не приветствовал больничные, даже с маленькими детьми. Мне приходилось часто работать по ночам. Как вспоминают мои дочери, они просыпались – я сижу, рукописи разложены на полу, чтобы ничего не перепутать, горит настольная лампа...

С 1981 года и вплоть до 1990-го, года выхода первого тома, шла организационная работа. Вопросов было очень много – и организационных, и научных. Мне как ответственному секретарю приходилось заниматься буквально всем. Формировать авторские коллективы, разыскивая кандидатов в составители по всем образовательным и научным организациям страны, переписываться с администрациями регионов, прося о содействии (а вся переписка тогда шла обычной почтой), держать связь с составителями, принимать поступающие в сектор рукописи, проводить экспертизу их научного уровня, и так далее. В первые же годы существования сектора фольклора были разработаны «Принципы подготовки томов серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”», соблюдения которых надо было требовать от авторов-составителей. В секторе работали редакторы фольклорных текстов (например, С. П. Рожнова), ко-

Е. Н. Кузьмина с томами Серии в секторе фольклора народов Сибири.

торые должны были прекрасно владеть русским языком и суметь в переводном тексте передать образный и поэтический строй оригинала. Работу редакторов тоже координировала я как ответственный секретарь.

Я сама росла вместе с авторами томов Серии. Знакомилась с жанрами сибирского фольклора, вникала в его проблемы. Фольклор разных сибирских народов открывался для меня постепенно, и до сих пор этот процесс продолжается.

Коллективу сектора фольклора нужно было решить новую и нетривиальную для тех времен задачу: придумать, как в книжном издании соединить слово и звук. Выдвигались разные предложения. Помню, что мы даже обращались к специалистам, занимающимся информатикой, и искали какие-то совместные решения, пытались как-то показать звук с помощью вычислительной машины «Мрамор». Но в итоге решено было дополнять книги виниловыми пластинками. Для этих целей разработали фирменный оформительский стиль томов Серии – книга нестандартного формата и небольшая виниловая пластинка в картонном коробе.

Для размещения на пластинках нужны были качественные аудиозаписи, которые, как правило, отсутствовали в архивах в то время. Тогда Александр Бадмаевич съездил в Москву, добрался до звукозаписывающей фирмы «Мелодия» и завязал с ее руководством тесное сотрудничество. Отныне в целях получения качественных аудиозаписей в состав каждой экспедиции сектора фольклора входил звуко-режиссер фирмы «Мелодия» Михаил Дидык, который возил с собой крайне дорогостоящую аппаратуру. С импортным магнитофоном «Награ» Дидык даже спал в обнимку, буквально ни на секунду не выпускал его из рук. Остальные члены экспедиции должны были обеспечивать полную тишину во время работы с информантами. К сожалению, магнитная пленка была в дефиците, поэтому фольклорные произведения приходилось записывать фрагментами.

Экспедиции всегда были очень важной частью работы сектора. Выезжали и большими, и малыми группами. Однажды Александр Бадмаевич взял в экспедицию С. П. Рожнову – он хотел, чтобы редакторы, которые работали над томом на последнем этапе его подготовки, имели представление о стадии сбора материала. Мне довелось побывать в Хабаровском и Приморском краях, по Якутии поездила. Со временем стало трудно организовывать большие экспедиции, перешли на малые отряды в 2-3 человека. Сотрудники сектора посетили многие сибирские и дальневосточные регионы: кроме уже упомянутых, были в Иркутской области, в Красноярском крае, на Чукотке, Сахалине, Камчатке... В поиске информантов, построении маршрутов в каждом регионе большую помощь оказывали местные ученые и представители национальной интеллигенции.

Вообще на всех этапах подготовка томов была коллективной работой. Первые совещания авторских коллективов проходили, как большие конференции, съезды. Специалисты – фольклористы и музыковеды – приезжали со всего Союза.

В то время люди работали с большим энтузиазмом. Параллельно готовились несколько рукописей. Практически одновременно к финишу двигались пять томов, и нужно было определить, какой из них будет опубликован первым. А. Б. Соктоев хотел открыть Серию таким томом, который бы демонстрировал, какое внимание советское государство и наука оказывают малым народам. В итоге выбор пал на том, подготовленный сотрудником Института языка, литературы и истории Якутского научного центра А. Н. Мыреевой «Эвенкийские героические сказания»⁴. Решено было отдать таким образом дань всему эвенкийскому народу и лично сказителю – Николаю Гермогеновичу Трофимову. Он во имя науки совершил настоящий подвиг: будучи больным, в полубессознательном состоянии ехал со стойбища до районного центра, а в своем вещмешке вез рукопись – сделанную им самозапись двух сказаний, «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде». На этой тетрадке было написано: «Передать Анне Николаевне Мыреевой» (с ней он познакомился в одной из ее экспедиций). Во время операции Н. Г. Трофимов умер, врачи позже обнаружили в

---

⁴ Евгения Николаевна описала забавный случай, произошедший в период подготовки этого тома: «Анна Николаевна Мыреева приехала в очередной раз в Академгородок, чтобы поработать со мной, а точный адрес мой забыла, помнила только примерно. Она нашла наш двор и спросила буквально у первого встречного, где здесь живет женщина-азиатка, у которой длинные косы и две дочки. Ей тут же указали нужный подъезд, этаж и номер квартиры».

его вещах рукопись и передали ее ученым. Вот так эвенкийский том был издан первым, хотя эвенков и нельзя отнести к малочисленным народам.

На приеме в Президиуме СО РАН после вручения коллективу серии «Памятники фольклора...» Государственной премии РФ. г. Новосибирск, 2002 г.
Слева направо: А. П. Деревянко, В. И. Молодин, Н. А. Алексеев, С. П. Рожнова, В. А. Ламин, Е. Н. Кузьмина, Н. Л. Добрецов.

В период становления Серии мне пришлось оставить занятия своей научной темой. Александр Бадмаевич считал, что «Памятники фольклора...» должны быть абсолютным приоритетом. Индивидуальную тему я начала восстанавливать только после ухода А. Б. Соктоева, с 1997 года. И то не сразу это получилось, потому что тома шли и шли, организационная и научная работа занимала всё мое время. Ведь к каждому тому нужен был свой подход – и к материалу, и к людям. Каждый том – особая традиция, живая история, со своими сложными переплетениями: это и личная, и научная, и организационная работа. Всё сплетается в какой-то клубок и замыкается на конкретном томе.

Я вернулась к изучению героического эпоса, стала систематизировать накопленные знания, выявлять структуру сюжета, составляющие его мотивы, типические места. Теперь уже я обратилась не только к бурятскому эпосу, но и к эпическому материалу других сибирских народов. В итоге в 2005 году была защищена докторская диссертация⁵, а также издан «Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов»⁶.

Накопление материала шло постепенно. С бурятским героическим эпосом я досконально познакомилась, когда училась в аспирантуре и сидела в архивах. Уже тогда составила какой-то фонд сюжетов,

⁵ Тема диссертации: «Героический эпос народов Сибири: аспекты двуязычной эдиции и типологии (на материале серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»)»

⁶ Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание / Отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

мотивов, персонажей. А когда начала работать над томами Серии, я увидела, что в героическом эпосе других народов, при всем национальном своеобразии, есть сходные черты.

И еще мной двигало удивление: хотелось выяснить, как сказитель запоминает тексты такого огромного объема. Ведь сказитель может исполнять эпос несколько часов – от вечерней до утренней зари, с небольшими перерывами на то, чтобы выпить чаю или выкурить трубку. И постепенно я выявила наличие в эпосе каждого народа типических мест, синтагматически связанных между собой. Они составляют каркас текста, на котором и вырастает весь сюжет. Зная только этот каркас и фонд эпических формул, сказитель может исполнить эпическое произведение.

Вот сказитель приступает к исполнению эпоса, и сначала он должен описать, где всё будет происходить – это типическое место о первотворении. Затем он хочет рассказать о герое: «Жил богатырь такой-то». И сразу возникает следующий эпизод – где он жил? Например, герой жил во дворце – а что это за дворец, он уже был готовый или герой сам его строил? Этот эпизод входит в описание. И так по кирпичику, по кирпичику – внешность героя, во что он был одет, какой у него конь, какое вооружение, и далее по развитию сюжета. Исполнитель знает каркас повествования, кроме того, у него в памяти хранится определенный лексический фонд для описания каждого типического места, который транслируется из одного сказания в другое. И есть такие сказители, которые никогда ни от чего не отклоняются, соблюдая традиционный канон, а есть импровизаторы – они склонны к творчеству, расширяют или сокращают типические места.

Эпическое произведение в зависимости от обстоятельств исполнения может быть длиннее или короче, с развитыми или краткими сюжетными линиями. Много может иметь значение: настроение исполнителя, его самочувствие, отзывчивость аудитории слушателей – откликаются ли они, подбадривают сказителя или же пассивно воспринимают.

Косы, как у богатырки из эпоса, в 1994 г. они были еще длиннее. г. Ханты-Мансийск, 2004 г.

В процессе исследования выяснилось, что существуют интертекстуальные типические места и такие, которые свойственны только конкретному тексту. Краткое изложение структуры составленного мной указателя занимает две страницы, но даже если бы я увеличила описание в несколько раз, всё равно не удалось бы исчерпать все варианты, возможные в текстах. Поэтому решено было сделать указатель открытого типа. Во вступительной статье я написала, что такие указатели надо создавать, опираясь на национальные корпуса эпических текстов: то есть хакасский эпос должен иметь свой указатель, якутский – свой, и так далее⁷.

Я слушала сказителей на Алтае. Кроме того, в 1994 году, в одной из экспедиций мне посчастливилось слушать исполнение эпоса знаменитым якутским сказителем Василием Осиповичем Каратаевым. Удивительный исполнитель, он мог сказывать девять часов подряд. Помню, как мы шли в клуб, чтобы как раз сделать запись: я шла впереди с распущенными косами, а Василий Осипович с другими участниками экспедиции – позади. И вот он посмотрел на мои длинные косы и говорит: «У моей богатырки что-то волосы коротковаты, надо бы их сделать на пару тутум длиннее» (с якутского, «тутум» – это расстояние, равное высоте кулака). Вот так, судя по словам сказителя, творческий процесс у него шел постоянно.

⁷ Отметим, что в настоящее время таких национальных указателей пока не существует. Исследователи сибирских эпических традиций пользуются методикой анализа, предложенной Е. Н. Кузьминой, и опираются на созданный ею Указатель.

Педагогическая деятельность

В 1990 году в НГУ на гуманитарном факультете открыли отделение тюркской филологии и стали набирать студентов из национальных республик – Алтая, Тувы, Хакасии. Им я читала курс «Фольклор народов Сибири» (1992–2008). Руководила курсовыми и дипломными работами студентов гуманитарного факультета (1993–2012).

В Институте филологии под моим руководством были написаны и защищены восемь кандидатских диссертаций и одна докторская (Ж. М. Юша). При выборе темы для аспиранта я всегда учитываю его интересы, смотрю, какие публикации у него уже есть, к чему он склонен. Среди моих соискателей Любовь Арбачакова, Надежда Чистобаева, Валентина Миндибекова, Туяра Илларионова, Марина Петрова, Лидия Ачитаева, Юлия Лиморенко, Анна Гриневиц, Жанна Юша, Белла Коломакина, Наталья Шульбаева, Алина Дмитриенко.

***

Евгения Николаевна Кузьмина много лет ведет большую научно-организационную работу. Она является членом Ученого совета Института филологии СО РАН, председателем редакционного совета журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири», членом редакционного совета журналов «Эпосоведение», «Научное обозрение Саяно-Алтая», выступает в качестве ответственного редактора научных изданий и оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, проводит экспертизу научно-исследовательских проектов.

Сотрудники сектора фольклора народов Сибири и весь коллектив Института филологии СО РАН сердечно поздравляют уважаемую Евгению Николаевну с юбилеем и желают здоровья, благополучия и много сил для достижения новых научных вершин!

Текст подготовила *Татьяна Дайнеко*

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.05.2022*

Сведения об авторе

Дайнеко Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007